

А.Д. Попова

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ГЛАЗАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ¹

В статье анализируется процесс восприятия представителями духовного сословия изменений, происходивших в обществе в период александровской модернизации. На основе архивных материалов, мемуаров воспитанников семинарий, периодической прессы показано, что на оценку происходивших нововведений повлияли особенности жизни духовного сословия. Автор приходит к выводу о том, что так как в ходе модернизации церковь не была отделена от государства и не были юридически ликвидированы сословия, преобразования лицами духовного сословия ощущались в виде реформы духовной школы. В статье выделены самые принципиальные моменты рассматриваемой реформы – создание выборных попечительских советов и отделение общеобразовательной части учебной программы от богословской. Автор считает, что это было отражением общей тенденции александровской модернизации – расширение возможностей самоуправления, фактическое сближение сословий, признание права на выбор рода занятий. Однако в статье показано, что само духовенство неоднозначно оценило данное нововведение: сами семинаристы активно использовали право выбирать другой вид деятельности, а более старшее поколение отнеслось к этому отрицательно. Подчеркивается важность такого составного элемента процесса формирования гражданского общества, как трансформация общественного сознания.

александровская модернизация, духовенство, духовные семинарии, общественное сознание, сословность.

Процесс преобразования российского общества в 1860–1870-х годах, вошедший в историю как александровская модернизация (или эпоха Великих реформ), не мог не затронуть всех слоев общества. За достаточно короткий период был проведен огромный пласт реформ: крестьянская, земская, судебная, городская, университетская, военная, финансовая и др. Все они в той или иной степени отражали общее направление модернизационных процессов: повышали уровень защиты прав и свобод людей и авторитет законов, расширяли возможности для социальной мобильности людей и самоуправления, стирали сословные рамки. В этом контексте содержание каждой реформы опосредованно имело значение для представителей всех сословий, так как в той или иной степени проводимые реформы содействовали формированию гражданского общества.

Однако процесс развития гражданского общества предполагает трансформацию общественного сознания и формирование определенных ценностных установок. В этом контексте представляется интересным проследить, как эпоха Великих реформ отразилась в сознании такого достаточно замкнутого сословия, как духовенство, каким образом его представители оценивали происходящие перемены.

Следует отметить, что при всем многообразии и прогрессивности проводимых реформ процесс преобразований не привел к отмене сословного деления российского общества. Не претерпела изменений и своего статуса Русская православная церковь. Она продолжала оставаться государственной религией, преподавание Закона Божьего было обязательным предметом в учебных заведениях, регистрация актов гражданского состояния тоже осуществлялась служителями культа. Идея свободы совести и вероисповедования даже не входила в планы реформаторов. Все это предопределяло, что перемены не очень сильно затрагивали традиционный уклад жизни духовного сословия. Впрочем, само духовенство тоже надеялось на перемены, но эти надежды касались прежде всего улучшения материального положения служителей Церкви.

Традиционно любой священник жил с дохода своего прихода, то есть, проще говоря, за счет прихожан, которые жертвовали на храм или оплачивали требы. Понятно, что сельский священник, у которого прихожанами являлись бедные крестьяне, просто не мог устанавливать высокие цены. Газета «Церковно-общественный вестник» в 1875 году приводила «расценки на услуги» духовного ведомства: съездить за 20 верст, чтобы исповедовать больного, стоило 5–20

---

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00468/17-ОГОН.

копеек, за погребение – от 30 копеек до 1 рубля². В этом контексте церковь с большой надеждой смотрела на земскую реформу, надеясь, что земства начнут выплачивать ежемесячные пособия священникам вроде тех, которые платили земским учителям или агрономам.

Однако земства этого делать не стали. По этому поводу тот же «Церковно-исторический вестник» с обидой замечал: «Земства охотно собирают почтенные суммы разным служащим в земстве, на улучшение дорог и на другие потребности улучшения общественной жизни, но лишь только дело коснется интересов жизни духовной и нравственных потребностей, там оно глухо...»³. Естественно, что ни государство, ни органы местного самоуправления не могли ввести твердые и солидные оклады для священников. Единственно, что было сделано для улучшения материального положения служителей церкви – это расширены площади приходов, то есть, проще говоря, увеличилось количество прихожан на одного священника. Однако это не намного облегчило положение рядового сельского батюшки: теперь ему приходилось совершать еще более дальние поездки, чтобы получить те же 20–30 копеек.

Поэтому изменения, которые касались духовного сословия, имели отношение прежде всего к духовной школе. Духовная школа – сеть духовных училищ и духовных семинарий – была ярким отражением сословного строя Российской империи. Все дети мужского пола, рожденные в семьях духовенства, были обречены на одну жизненную траекторию – стать священнослужителями, как и их отцы, поэтому они практически не имели выбора учебного заведения, поступая вначале в духовное училище, потом в духовную семинарию, после окончания которой должно было следовать рукоположение в сан. О каком-либо выборе, учете желаний или нежелания мальчиков и юношей речи не шло.

Поэтому принятие в 1867 году нового Устава духовных семинарий стало событием, касающимся практически каждой семьи духовного сословия. Наиболее важными изменениями, которые вводил Устав, было два момента. Во-первых, из среды духовенства должны были избираться попечительские советы, способные влиять на учебный и воспитательный процессы, внутренний быт семинарий. Выборы попечительского совета должны были происходить на съезде духовенства епархии, куда посылались делегаты со всех концов последней. Во-вторых, менялся порядок прохождения дисциплин. Духовная семинария как среднее специальное учебное заведение соединяла в себе изучение общеобразовательных предметов сродни тем, которые изучались в других учебных заведениях (словесность, история, география, математика, классические языки), так и собственно богословские и богослужебные предметы, которые должен знать будущий служитель культа.

Реформа предписывала собрать изучение всех богословских предметов на последние два курса семинарии, а на младших курсах изучать только общеобразовательные предметы. Самое главное, что воспитанники семинарии получили право после прохождения общеобразовательного курса покидать семинарию и держать экзамен в университеты. В то же время представители других сословий получили право поступать в семинарии. Таким образом, семинария переставала быть сословным учебным заведением, а профессия священника – делом исключительно одного сословия. Фактически делался шаг к признанию очень важного права в гражданском обществе – права на свободный выбор занятий, что обуславливало расширение возможностей для социальной мобильности. Данные нововведения отражали процесс модернизации, которая во многих сферах расширила элементы самоуправления, проводила курс на сближение сословий, делала шаг к признанию права на свободный выбор рода занятий. Это в той или иной степени был медленный процесс формирования гражданского общества в России.

То, как само духовенство оценило происходящие изменения, позволяет понять изучение мемуаров, в которых описана жизнь духовных семинарий в 1860–1870-е годы, а также некоторых материалов Учебного комитета Священного синода. Мемуарных записок, отражающих жизнь духовных учебных заведений периода александровской модернизации, сохранилось достаточно много. Большинство авторов указывают на то, что духовная школа менялась. В первую очередь они отмечают, что стало другим само отношение к ученикам и к методам преподавания – меньше становилось зубрежки, больше обращали внимание на умственное развитие учащихся. Выпускник Одесского духовного училища Ю.Г. Галабутский проводит некий рубеж в педагогическом процессе: «Пала старинная зубристика, и старые педагоги, последние могоикане бурсы, уступили место новым»⁴. Учителя не только толково объясняли новый материал, но и стремились развить своих воспитанников: проводили вечерние беседы, читали произведения классиков и даже пытались

² Церковно-исторический вестник. 1875. № 85. С. 3.

³ Б.А. Вопросы о духовенстве // Там же. № 124. С. 1.

⁴ Галабутский Ю.Г. Воспоминания о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902. С. 6.

давать знания по астрономии. В этом контексте эволюция духовной школы отражала общий процесс трансформации всей системы образования: модернизация выдвигала потребность готовить людей, способных мыслить самостоятельно, а не беспрекословно выполнять приказы.

В мемуарах мы видим и еще один аспект влияния модернизации на процесс трансформации духовной школы: эпоха Великих реформ меняла общие представления о том, в каких условиях должны жить и учиться дети. Авторы мемуаров отмечают, что понемногу улучшалось питание, строились новые здания для семинарий и училищ с более комфортными условиями. Переезд в новое здание стал значительным событием для воспитанников Одесского духовного училища, Полтавской духовной семинарии. Более того, начинается очень медленная переоценка представлений в сознании самого духовенства о должных условиях, в которых могут жить и учиться дети и подростки. В мемуарах конца XIX столетия традиционные условия жизни дореформенной бursы уже оцениваются эпитетами «ужасные» и «невыносимые». Очень ярки в этом плане записки, опубликованные в 1896 году к столетию Волынской духовной семинарии. Автор без стеснения восклицает: «Вспомним, какой каторгой была для ученика жизнь в эпоху старой бursы»⁵.

Однако этот процесс шел достаточно медленно и мозаично. Не случайно при чтении мемуаров выпускников семинарий и материалов ревизий пореформенной поры этих же семинарий бросается в глаза очень большая разница в оценках повседневной жизни семинаристов. Авторы мемуаров отмечают духоту или холод в спальнях и в учебных корпусах, отсутствие нормального постельного белья, плохое питание, а в отчетах ревизоров делаются выводы о том, что питание и условия жизни не просто удовлетворительные, но даже «роскошные», питание «домашнее». Данные материалы касались Одесского духовного училища и Воронежской духовной семинарии.

Анализ мемуаров показывает, что, в силу сословных традиций, реформы, которые затрагивали другие сословия (крестьянская, судебная), волновали духовенство не особо сильно, что вполне понятно – своих проблем хватало. Руководство семинарий не спешило обсуждать с семинаристами происходящие в обществе нововведения. Если такие разговоры возникали, то имели эпизодичный характер. На страницах воспоминаний выпускника Воронежской семинарии П.В. Цезаревского упоминается такой факт: ему поручили в качестве темы проповеди показать значение отмены крепостного права в России⁶. Однако можно предположить, что задание имело цель укрепить верноподданнические чувства как у учеников семинарий, так и у простого народа, перед которым потенциально должна была произноситься проповедь, – все реформы alexандровской модернизации позиционировались как великий дар царя-батюшки народу.

Тот же автор рассказывает о занятии, на котором семинаристы задавали вопросы педагогу о возможном их призыве на воинскую службу в связи с введением всеобщей воинской повинности. Однако сам П.В. Цезаревский признает, что данный разговор был затеян, скорее, чтобы просто «заболтать» преподавателя и увильнуть от работы на уроке⁷.

В то же время из мемуаров мы узнаем о том, что семинаристы не оставались равнодушными к происходящему в обществе и стремились понять и осмыслить политические и социальные процессы. Процесс модернизации дал возможность обучающимся расширить свое представление об окружающем мире. Причем живой интерес вызывали именно политические и естественнонаучные знания. Воспоминания выпускника Одесской духовной семинарии показывают, что семинаристы читали Спенсера, Бокля, Дарвина. Их интересовало творчество Ф.М. Решетникова⁸, А.И. Левитова⁹, Н.И. Наумова¹⁰, М.Е. Салтыкова-Щедрина, то есть тех, кто пытался по-новому осмыслить происходящее в обществе, поднять важные проблемы в литературе. Увлечение социально-политической литературой было повсеместно для учащейся молодежи тех лет, и в этом плане семинаристы ничем не отличались ни от гимназистов, ни от студентов. Семинарское начальство поразному относилось к этому явлению. Библиотеки большинства семинарий были достаточно скудны, и семинаристы в основном получали новую литературу со стороны. Однако если в Одессе отношение было снисходительным, то в других семинариях старались следить, чтобы круг чтения

---

⁵ Храевич К. При старых порядках (из недавнего прошлого Волынской духовной семинарии). Киев, 1896. С. 8.

⁶ Цезаревский П.В. Шестидесять лет в духовной семинарии. Воспоминания // Звонарь. 1906. № 2. С. 282.

⁷ Там же. С. 275.

⁸ Решетников Фёдор Михайлович – российский писатель (1841–1871), публиковал в газете «Северная пчела» очерки о жизни социальных низов. Впервые в русской литературе описал такое социальное явление, как забастовка рабочих.

⁹ Левитов Александр Иванович – российский писатель (1835–1877), автор социальной прозы.

¹⁰ Наумов Николай Иванович – российский писатель (1938–1901). Главная тема – жизнь российского крестьянства.

будущего пастыря был ограничен строго рекомендуемыми списками литературы, и на тех, кто пытался выйти за его рамки, обрушивались репрессии вплоть до исключения.

Конечно, семинаристов и их наставников в первую очередь волновали проблемы своего сословия, поэтому именно реакция на уже указанные реформы духовной школы является наиболее интересной. Как и многие нововведения Александра II, реформа духовной школы проводилась постепенно, то есть учебный план менялся не во всех духовных семинариях разом, а только в тех, где руководство считало себя готовым к этому мероприятию. В этот список вошли пять семинарий – Астраханская, Рязанская, Нижегородская, Костромская, Самарская¹¹. Поэтому, например, в Полтавской духовной семинарии этот переход имел место только в 1876 году. А вот первый элемент реформы духовной школы – выборы попечительских советов – реализовался повсеместно в 1867 году. Можно еще раз отметить, что это было отражением общей тенденции александровской модернизации: расширение самоуправления, повышение уровня возможностей представителей тех или иных сословий влиять на решение вопросов, их касаемых. Соответственно духовенство получало право влиять на процесс обучения и воспитания своих отпрысков. Однако выборы проводились скорее в приказном, а не в добровольном порядке.

В 1867–1868 годах одна за другой семинарии послушно рапортовали, что выборы состоялись, попечительский совет создан. Однако из Иркутской губернии приходили другие письма: местное духовенство роптало на нововведение и просило по возможности не обременять их выборами. Впрочем, причины для этого были весьма объективные. Российская империя во второй половине XIX века имела территориально-административное деление, созданное еще губернской реформой Екатерины II. Определяя площади губерний, императрица исходила из общего принципа: в каждой губернии должно проживать определенное число жителей, поэтому чем ниже была плотность населения, тем больше – площадь губернии. В связи с этим некоторые регионы епархии оказались очень отдалены от Иркутска: 600, а то и все 1 000 верст, а до некоторых регионов в указанные сроки порой вообще невозможно было добраться из-за бедственного состояния дорог, разлива рек. Для того чтобы съезд, духовенство должно было потратить немалую сумму на прогоны – от 64 до 166 рублей¹². Учебный комитет Священного синода, отдавая распоряжение о скорейшем проведении выборов, допустил классическую для нашей страны управленческую ошибку: не учел специфику социального пространства России, выражающуюся в многообразии условий жизни российских обывателей. Однако после слезных жалоб и прошений Учебный комитет разрешил провести съезд духовенства епархии в упрощенной форме, то есть собрать тех, кого возможно.

Не спешило духовенство переходить и на новые учебные планы. Новый учебный план расширял количество часов на изучение ряда предметов и вводил новые. В частности, в программе появлялись новые языки – немецкий и французский. В некоторых епархиях эти нововведения вызывали страх. Однако последний в первую очередь был вызван не принципиальными возражениями против изменений, а техническими сложностями – боязнь не найти соответствующее число преподавателей. Так, из Уфимской епархии прислали прошение не распространять на них реформу, так как боялись, что не хватит преподавателей для расширенного обучения: «Можно сомневаться в том, в состоянии ли они (преподаватели) будут понести возлагаемое на них бремя, так как каждый из них при множестве уроков будет обязан преподавать не по одному, а по несколько предметов, и труд исполнения этой обязанности еще больше будет усложняться...»¹³.

Следует отметить, что в мемуарах подчеркивается, что сами семинаристы ждали реформу с некоторым воодушевлением. Например, это очень хорошо отражено в воспоминаниях выпускника Полтавской духовной семинарии П. Борзаковского. Надеялись и на улучшение быта, и, самое главное, на изменение учебного процесса: «существеннейшей стороной реформы должна явиться перемена учителей: будут-де назначены молодые, непременно студенты»¹⁴.

Семинаристы с радостью встретили предложение изучать новые предметы, в том числе немецкий язык. П. Борзаковский очень образно передает, с какими чувствами пришли семинаристы на первое занятие: «Желающих масса: громадный класс переполнен слушателями. Вошел профессор и заговорил о значении немецкого языка... Боже! как он говорит! Как он красноречиво доказывает, что наступило время, когда незнание хоть одного иностранного языка – большой дефект жизни, – что язык, на котором писали Шиллер и Гёте, заслуживает особенного внимания, что нигде наука не стоит так высоко, как в Германии, что... Но разве все припомнить?

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 9. Д. 5. 1867. Л. 78.

¹² Там же. Д. 60. 1868. Л. 7.

¹³ Там же. Д. 5. 1867. Л. 27 об.

¹⁴ Борзаковский П. В начале реформы бурсы. Из воспоминаний. Киев, 1900. С. 8.

Час проходит, как минута, все чувствуют себя точно на небесах»¹⁵. Однако потом наступило разочарование: «на следующих уроках обнаруживается, что красноречивый лектор знает не больше слушателей». Проблема была решена позже, когда преподавать немецкий язык пригласили учителя из реального училища. Причем можно быть уверенным, что семинаристов привлекал не столько немецкий язык сам по себе, а возможность выйти за рамки сословных традиций, почувствовать себя причастными к нормам и обычаям других сословий.

Самую сложную и неоднозначную оценку в сознании духовенства получила та часть реформы духовной школы, которая давала возможность покинуть семинаристам семинарию и поступить в университет. Это нововведение с точки зрения современных реалий легко оценивать как прогрессивное и улучшающее положение представителей духовного сословия. Право на выбор рода занятий – одно из самых элементарных прав и свобод, которые признаются в демократическом обществе. Однако по тем временам это было разрушение вековой традиции, закладывающей траекторию жизненного пути каждого мальчика духовного сословия. Любая возможность влечет за собой опасность ее нереализации. Выбор всегда затруднен ответственностью за этот выбор. Отсутствие последнего облегчает ситуацию отсутствием необходимости все тщательно взвешивать и быть готовым к последствиям неправильного выбора.

Поэтому нетрудно представить, в каком смятении находились сами семинаристы и их родители. Что делать? Пойти по традиционной всем знакомой дорожке или рискнуть, покинуть семинарию, пойти в университет? Университетское образование манило новыми возможностями, которые усиленно обсуждались в среде молодежи духовного сословия: «Сын священника З. бросил семинарию, пошел в университет, и теперь “знаменитый” адвокат, о котором говорит весь город... Сын диакона Р. сделал то же самое, и теперь “замечательный” доктор, чуть ли не первый в городе... Сын городского протоиерея К. поступил точно так же, и теперь – “превосходнейший” учитель гимназии... и т.д., и т.д.»¹⁶. А вдруг университет окажется недоступной крепостью? Вдруг вчерашний семинарист завалит экзамены в университет? Как очень точно передает это смятение словами своих персонажей П. Борзаковский: «А если не поступит? Что тогда? От своих отстал, к чужим не пристал? Назад уже трудно... Ибо после смерти какое уж покаяние?»¹⁷.

Однако несмотря на все сомнения, тревоги, среди семинаристов нашлось много желающих изменить привычную траекторию жизни. В воспоминаниях выпускника Полтавской семинарии П. Борзаковского грезы об учебе в университете представлены как апофеоз всех возможных мечтаний и желаний, слова студенческой песенки «От зари до зари / Вереницей студенты шатаются...» представлены своеобразным гимном новой жизни.

Весной 1876 года, когда Полтавская семинария была назначена к переходу на новый Устав, ее питомцы получили право покидать духовное учебное заведение с тем, чтобы поступить в университет. И к кабинету ректора пошли первые желающие, как сейчас говорят, «забрать документы». Их встретили добродушно, выразив небольшое сожаление, что теряют хороших учеников, но возражать и ругать не стали и даже пожелали удачи. Дальше ректора ждали неприятные открытия: поток желающих покинуть стены семинарии рос. П. Борзаковский метко замечает: «Следующий пяток беглецов однако уже несколько озадачил отца протоиерея, увидевшего между ними и таких, на которых он собственно не рассчитывал»¹⁸. Однако на этом «пятке» дело не закончилось, «бегство» продолжалось, уже следующих просителей семинарское начальство встречало с недоумением и возмущением: «Как? И вы? Господь с вами!.. На что глядя?»¹⁹. В потоке беглецов уже не самые лучшие семинаристы, некоторые тут в семинарии с трудом сдают предметы. Им пытаются на это указывать, дают советы исходя из смысла известной поговорки про синицу в руках. Но мемуары П. Борзаковского очень хорошо показывают, насколько семинаристы были решительны порвать с традиционной траекторией жизни, определенной традицией духовного сословия. Готовы поступать куда угодно, хоть на ветеринары, лишь бы вырваться из семинарских стен, лишь бы порвать с духовным сословием.

Всего в тот год из Полтавской семинарии ушло 26 семинаристов²⁰. Так же многочисленный уход своих воспитанников пережили Киевская и Владимирская духовные семинарии²¹.

¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 87. 1876. Л. 141.

¹⁶ Борзаковский П. В бурсе – семинарии. Из воспоминаний. Киев, 1903. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Борзаковский П. В бурсе – семинарии ... С. 45.

¹⁹ Там же.

²⁰ Елисеев Т.З. Бегство семинаристов. СПб., 1876. С. 4.

²¹ Там же. С. 4.

Уходили семинаристы и из других семинарий, дав стране новые яркие имена. Именно благодаря реализации Устава 1867 года страна получила первого российского Нобелевского лауреата физиолога И.П. Павлова. Причем сам Иван Петрович впоследствии очень тепло вспоминал Рязанскую духовную семинарию, но все равно покинул ее, поступив в Санкт-Петербургский университет. Очевидно, что главной причиной было именно нежелание оставаться в духовном сословии. Однако в самом духовном сословии это было оценено более чем неоднозначно. Очень образно описывает данный факт Борзаковский – у родителей семинаристов это вызвало панику: «Отец сурово молчит, мать плачет, сын не знает, чем и как успокоить, ибо никакие обещания не помогают, и в самых заманчивых картинах будущего родители видят одни “думки, которыми богатеет дурень”. И так все лето, по крайней мере, для многих. Стоит оторваться от книги и очутиться в кругу семьи, – начинаются охи да вздохи, слезы, опасения, упреки»²². Однако реакция родителей объясняется простыми человеческими мотивами, страхом за будущее сына. А вот реакцию духовного начальства можно объяснить только консервативными сословными традициями. Духовное начальство было шокировано таким масштабным «бегством», оценивало его чуть ли не как бунт, дошло до того, что отцы семинаристов, покинувших духовное заведение, оказались в немилости: «одного благочинного далее и принять не захотел владыка; пускай, говорит, отправляется к светскому начальству, ежели не умеет воспитывать детей в преданности своему прямому долгу...».

Рассуждения о судьбах детей духовенства нашли отражение в публицистике тех лет, например, к этой проблеме обращается журнал «Церковно-общественный вестник». В 1876 году выходит брошюра под названием «Бегство семинаристов», в которой автор подробно рассуждает о проблемах духовного сословия, подчеркивая, что реализация нового Устава, который заложил тенденцию разрушить сословный характер духовной школы, ярко выявила непривлекательность социального статуса священника в обществе. Им указывается, что из семинарий бегство было активным, а вот приход в семинарию представителей других сословий имел эпизодический характер: «Никто из других сословий не хочет идти в духовное звание и не хочет отдавать детей своих в духовные заведения»²³. Сами бывшие семинаристы, которые осмелились изменить вековой традиции, испытывают огромные финансовые трудности. Традиционная студенческая подработка в виде репетиторства помогала слабо, так как бегство семинаристов так увеличило студенческую корпорацию и, следовательно, число желающих давать эти уроки, что по законам рынка сильно понизило стоимость этих уроков. Однако, несмотря на это, бывшие семинаристы нисколько не жалели о смене учебного заведения, полугодовое существование было для них ничто по сравнению с обязанностью в обязательном порядке становиться священником²⁴.

Авторы брошюры и большого ряда публикаций «Церковно-исторического вестника» подробно анализируют, что именно делает статус священника непривлекательным. Ими абсолютно не затрагиваются вопросы, связанные со свободой совести. Также не поднимаются такие проблемы, как возможное неверие будущего священника, нежелание посвятить свою жизнь богослужениям. И это понятно: в это время априори считалось, что каждый человек является верующим и богослужения не могут быть для него тягостью. Соответственно и в принципе не обсуждается проблема, что сын священника может просто не желать быть священником как таковым. Наоборот, подчеркивается великая просветительская и воспитательная миссия профессии священника: «Ведь, подумайте: в чем состоит существенное призвание священника среди нашего народа? Это быть просветителем в самом широком смысле этого слова, вносить в среду народа не только свет евангельской истины, но и свет науки и цивилизации, свет всевозможного житейского знания, быть для народа отцом, наставником, советником, помощником, другом – одним словом: нельзя указать никакого другого поста, где возможна была бы более глубокая и тесная нравственная связь с народом, как в сане священника»²⁵. Нежелание посвятить себя этому благородному служению объяснялось более прагматическими и прозаическими вещами. Публикации «Церковно-исторического вестника» популярно объясняют, что одной из наиболее очевидных причин является очень нестабильное финансовое положение служителей культа.

Автор брошюры «Бегство семинаристов» смотрит на проблему более широко и выделяет три причины, которые, по его мнению, отталкивают людей от профессии священника.

Во-первых, из профессии священника нет обратного хода. Представитель любой другой профессии, поняв, что сделал ошибочный выбор, может сменить последнюю, а сан священника – это навсегда. «Но ни один человек, поступающий в духовное звание, не знает сам, насколько он

²² Борзаковский П. В бурсе – семинарии ... С. 48.

²³ Елисеев Т.З. Бегство семинаристов. С. 4.

²⁴ Давидов Ф. По поводу бегства воспитанников духовных семинарий в светские учебные заведения // Церковно-исторический вестник. 1875. № 133. С. 3.

²⁵ Елисеев Т.З. Бегство семинаристов. С. 15.

способен удовлетворить тому идеалу священства, который пронесется в его уме», – справедливо замечает автор.

Во-вторых, правила церковной жизни требуют, чтобы священник перед рукоположением в сан обязательно женился, в противном случае он должен принять постриг (это правило существует и по сей день). Соответственно на плечи молодого человека сразу же ложатся заботы о содержании семьи. Учитывая, что в XIX столетии было не принято, чтобы жены священников работали, нанимались в услужение, то забота становилась весьма существенной.

В-третьих, православное духовенство должно всегда и везде быть в соответствующей одежде. Надеть гражданское платье вне храма или вне культовой деятельности священник не имел права. Это сразу отделяло духовное лицо от общества: «Стоит священнику явиться в какое угодно общество, собрание, беседу – откровенная, простая речь, обыкновенно, немедленно прекращается; разговор делается натянутым; все начинают себя чувствовать точно в присутствии человека не от мира сего, с которым нельзя себя вести так, как ведешь со всеми людьми»²⁶. То есть все три причины вытекают из специфики жизни духовного сословия, которые свойственны только ему и никаким другим сословиям.

Автор также отмечает, что нужно не просто отделить духовную школу в исключительно профессиональные учебные заведения, но в целом поднять просветительскую деятельность духовенства, возвысив, таким образом, его положение в обществе.

Таким образом, ветер перемен александровской модернизации затронул жизнь духовенства отчасти. В связи с тем, что эпоха Великих реформ не ставила целью отделения церкви от государства и юридическую ликвидацию сословий, то перемены коснулись главным образом духовной школы. Однако эти преобразования отразили наиболее существенные тенденции александровской модернизации: расширение самоуправления (создание выборных попечительских советов), расширение возможностей социальной мобильности и слияние сословий (разделение учебного процесса на два этапа – общеобразовательный и богословский с разрешением после первого ученикам семинарии поступать в университеты). Именно вторая составляющая наиболее ярко отражала тенденцию развития гражданского общества – профессия священника стала позиционироваться не уделом одного сословия, а к ней открывался общегражданский доступ, что также обозначало осознание права личности на выбор рода занятий.

Анализ источников показывает, что само духовенство достаточно мозаично оценило эпоху Великих реформ. Единодушно встречались изменения бытового плана, введение новых предметов, хотя степень необходимости улучшения питания семинаристов и их питание оценивались по-разному самими воспитанниками и руководством. Введение новых учебных предметов, расширение учебного плана не вызывало возражений в принципе ни у семинаристов, ни у руководства, но сопровождалось трудностями при реализации. Более мозаично было встречено разделение учебного процесса на два этапа и предоставление ученикам семинарии права поступать в университеты. Активный выход воспитанников из семинарий подчеркивал стремление молодой части духовенства покинуть духовное сословие, получить светскую профессию, что свидетельствовало о кризисе сословных традиций. Однако для старшего поколения это воспринималось как крушение моральных устоев, отражая самый сложный момент формирования гражданского общества – трансформацию общественного сознания, закрепление представлений о праве личности, в том числе и на свободный выбор рода занятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б.А. Вопросы о духовенстве [Текст] // Церковно-исторический вестник. – 1875. – № 124. – С. 1.
2. Борзаковский, П. В бурсе – семинарии. Из воспоминаний [Текст]. – Киев, 1903.
3. Борзаковский, П. В начале реформы бursы. Из воспоминаний [Текст]. – Киев, 1900.
4. Галабутский, Ю.Г. Воспоминания о духовной школе 70-х годов [Текст]. – Киев, 1902.
5. Давидов, Ф. По поводу бегства воспитанников духовных семинарий в светские учебные заведения [Текст] // Церковно-исторический вестник. – 1875. – № 133. – С. 2–4.
6. Елисеев, Т.З. Бегство семинаристов [Текст]. – СПб., 1876.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 802. – Оп. 9. – Д. 5. – 1867 ; Д. 60. – 1868 ; Д. 87 – 1876.
8. Храевич, К. При старых порядках (из недавнего прошлого Волынской духовной семинарии) [Текст]. – Киев, 1896.
9. Цезаревский, П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания [Текст] // Звонарь. – 1906. – № 2.

---

²⁶ Там же. С. 19.

REFERENCES

1. B.A. Voprosi o dyhovenstve [Text] // Cerkovno-istoricheskii vestnik. – 1875. – N 124. – S. 1.
2. Borzakovskii, P. V byrse – seminarii. Iz vospominanii [Text]. – Kiev, 1903.
3. Borzakovskii, P. V nachale reformi byrsi. Iz vospominanii [Text]. – Kiev, 1900.
4. Galabytskii, U.G. Vospominaniya o dyhovnoi shkole 70-h godov [Text]. – Kiev, 1902.
5. Davidov, F. Po povody begstva vospitannikov dyhovnih seminarii v svetskie ychebnie zavedeniya [Text] // Cerkovno-istoricheskii vestnik. – 1875. – N 133. – S. 2–4.
6. Eliseev, T.Z. Begstvo seminaristov [Text]. – SPb., 1876.
7. Rossiiskii gosydarstvennii istoricheskii arhiv (RGIA). – F. 802. – Op. 9. – D. 5. – 1867 ; D. 60. – 1868 ; D. 87 – 1876.
8. Hranevich, K. Pri starih poryadkah (iz nedavnego proshlogo Volinskoi dyhovnoi seminarii) [Text]. – Kiev, 1896.
9. Cezarevskii, P.V. Shestidesyatie godi v dyhovnoi seminarii. Vospominaniya [Text] // Zvonar. – 1906. – N 2.

A.D. Popova

ALEXANDER II'S REFORMS THROUGH THE EYES OF THE CLERGY

The paper treats the Russian clergy's attitude to Alexander II's reforms. The analysis of archival materials, seminary students' memoirs, and periodicals shows that Alexander II's reforms influenced the life of the priestly class. The author maintains that since the reforms did not separate the church from the state, nor did they eliminate class divisions, Russian priests perceived them as reforms of the theological school. The paper focuses on the principal aspects of the reforms such as the establishment of elected Guardianship Boards, the separation of secular and theological education. The author maintains that the reforms granted greater opportunities to local governments, reduced class gaps, granted people a right to choose an occupation. However the paper shows that Russian priests were not unanimous in assessing the innovations. Seminarians were eager to find another occupation, but older priests treated the reforms in a negative way. The author concludes that differences in perception underline the importance of social consciousness transformation as a prerequisite for civil society formation.

Alexander II's reforms, clergy, priesthood, seminary, social consciousness, class.